

**Посвящается моему внуку Мише
и всем мальчишкам военной и
послевоенной поры**

*Этот город, засыпанный пылью,
Помнит детство моё по минутам.
Он туманит мне память полынью,
Поострее, чем чаша цикуты.*

Часть первая

Поезд мчал меня по южной степи, к южному морю. Мимо мелькали выжженные летним зноем бескрайние просторы. На безымянном полустанке, который наш скорый проскочил без остановки, я увидел старика с аккордеоном, мирно дремавшего в тени чахлой акации. И вдруг, нахлынули воспоминания, полуза забытые образы прошлого выплыли из глубин памяти, как корабли из тумана, стали обретать чёткость. Вспомнился мне милый сердцу городок детства, занозой впившийся в сердце. Как же щемит оно, вспоминая детство! Моя тоскующая память воскресила те далёкие события...

Городок наш, вонзившийся стрелой кочевника в ковыльную, душистую степь, заканчивающуюся у мелкого, тёплого моря, шумел по весне цветущими абрикосовыми и вишнёвыми садами, а свежий морской ветер свободно гулял по прямым улицам, кружа в воздухе лепестками цветущих деревьев. Летом жители изнывали от зноя и пыли, мечтая о дожде, редко проливающимся над городком в летние месяцы. Ах, какая роскошная, мягкая пыль, ласкающая наши босые ноги, лежала на дорогах, а когда осенью шли дожди, она превращалась в непролазную, чёрную грязь, в которой застревали галоши, повозки и машины. А зимой грязь замерзала, образуя рытвины и колдобины, припорощенные снегом. Восточные ветры, особенно злобствующие в зимний сезон, заставляли трепетно мечтать о лете. Двор наш представлял собой довольно колоритное зрелище: центральное место занимал большой, каменный дом, под железной

крышей, с массивными полуколоннами, прилепленными к мощным стенам. Территорию охранял высокий, кирпичный забор с проделанными в нём круглыми отверстиями, похожими на иллюминаторы корабля. Нам завидовали все соседские мальчишки — через эти окошки можно было наблюдать за жизнью улицы не выходя из двора. Впрочем, и взрослые этим не брезговали. Высокие ворота с калиткой, были железными, с красивой вязью узоров наверху. Парадный вход был заколочен, над ним были вырезаны инициалы бывшего владельца дома К.Г. и два летящих ангелочка с лавровыми венками, в которых были вырезано 1880 — год постройки дома. Из-за них то мальчишки с соседней улицы дразнили нас «ангелочками», а мы с ними крепко дрались и обзывали их «чертями». Но это не мешало нам вместе бегать купаться и играть в футбол. Купец Карл Гофман надеялся ещё долго прожить в этом доме, да вот не вышло —

случилась революция. Здесь теперь жили его родственники — бабушка с внучкой и новые жильцы, заселённые сюда после революции в порядке уплотнения. По весне большой двор зарастал сочной, молодой травой, где бродила мелкая живность: куры, утки. Живность покрупнее — пасли на выгоне, возле моря. Куры разгуливали тихо, сосредоточенно ковыряясь клювами в земле, лишь пёстрый петух поутру оглашал окрестности звонким криком. Утки же были прожорливы и шумливы. Для этих обжор нас не раз посыпали на море набрать раков, которые водились там в изобилии. Цветы во дворе не садили, как-то было не принято, лишь у купеческого дома росло несколько кустов роз, почти одичавших, оставшихся от прежних времён, да голубые граммофоны выронков, неведомо как попавших сюда, взбирались на крыши домиков. Со временем дом обветшал, стал тесен, да и натопить его была целая проблема, рождались дети и стихийно, как грибы, стали появляться хатки из самана в одну — две комнаты, крытые камышом, строившиеся всем двором. А в старом, каменном доме, с прохудившейся крышей, рассохшимися оконными рамами, скрипевшими полами, остались жить только двое «бывших». Их родственников после революции разбросало по белому свету, доживала свой век лишь бабушка с пышным именем Матильда Модестовна Гофман, постоянно жалующаяся на больные ноги, да её внучка-подросток Полинька, с которой в гражданскую случилась беда. О событиях тех далёких дней мне рассказывала мама. Тогда наш городок часто переходил из рук в руки : то «белые», то «красные», а то просто очередной «батька-атаман» с хлопцами, не утружающие себя никакими лозунгами, а просто желающими пограбить, поживиться за чужой счёт. Но грабить у нас было нечего.

Главное — не встретиться с ними под горячую руку: в гневе они были бессмысленно беспощадны. В несчастливую для себя минуту Полинька попалась им на глаза, ну и пропала девчонка, увезли с собой, а заступиться некому. Покричала, поплакала бабушка да и померла с горя.

А через несколько месяцев Полинька вернулась: худая, истерзанная и, как шептали за её спиной, блаженная. Её печальные, навсегда испуганные глаза, как будто кого-то искали. Узнав о смерти бабушки, совсем спятила: дневала и ночевала на кладбище, лежала на её могилке и всё причитала жалобно: «Бабуленька моя родненькая, на кого вы меня покинули? Как же мне жить без вас? Кто приголубит, пожалеет?». Жальщиков мало находилось, у самих мешок горя за спиной. С тех пор бродила Полинька по городку, милостыню просила, стали её называть Поля-Гофманша, как будто другого имени у неё и не было. Подавали ей мало, сами голодали, но находились и сердобольные, готовые последним поделиться, особенно после того, как родила она девочку, слабенькую, болезненную, которая почти никогда не плакала. Во двор к нам стала захаживать какая-то женщина, «из бывших», в старомодном платье из шуршащей материи и смешной шляпке с выцветшими цветами. В руках у неё был узелок в котором была еда или вещи для Поля-Гофманши и её ребёнка. Женщина клала этот узелок на крыльцо дома, где жила Поля и молча удалялась. Все жильцы нашего двора терялись в догадках: «Что за женщина? Откуда? Почему она продукты и вещи приносит?» Кто-то побойчее попытался выспросить у женщины: кто она и почему приходит? А та вежливо и туманно отвечала: «Долг христианина — нуждающимся помогать» и быстро исчезала. Так ничего и не узнали. Поля-Гофманша прожила ещё лет семнадцать и умерла незадолго до войны,

